

В августе 1993 года доктору философских наук, профессору Владимиру Николаевичу Шубкину исполнилось 70 лет. С именем профессора В. Н. Шубки на связано возрождение отечественной социологии в 60-е годы. Один из создателей сибирской социологической школы, он основал ряд новых направлений в теории и методологии исследований. Книги «Количественные методы в социологии», «Социологические опыты», «Начало пути» — эталоны научного анализа социальных проблем.

В годы Великой Отечественной войны Владимир Николаевич защищал Родину, был ранен, награжден Орденом Красной Звезды и медалями.

Миллионы читателей знают профессора В.Н. Шубкина как яркого публициста. Сын репрессированного в 1937 году «врага народа», В.Н. Шубкин является образцом честного служения идеалам гуманитарного знания. Публикуя фрагмент воспоминаний Владимира Николаевича, редакция поздравляет его с юбилеем и желает новых творческих успехов.

В.Н. Шубкин

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Мой отец, Николай Феоктистович Шубкин, беспартийный, много лет проработал словесником на Алтае, преподавал русскую литературу еще в дореволюционных гимназиях, а затем в средних школах Барнаула. В 1937 г. отец был репрессирован органами НКВД. На все наши запросы о его судьбе следовал стандартный ответ: «Десять лет без права переписки». В 1956 г. я получил справку из Алтайского краевого суда, где было сказано: «Постановление тройки УНКВД Алтайского края от 25 сентября 1937 г. в отношении Шубкина Николая Феоктистовича отменено и дело прекращено». А в мае 1955 г. мне выдали свидетельство о смерти серии 1-БЮ № 001605. Там указывалось, что Шубкин Н.Ф. умер 19 марта 1944 г., а место смерти в свидетельстве просто прочеркнуто — вроде бы и нет такого места.

Особо следует сказать о дате смерти отца. В бесконечных очередях к разным окошкам НКВД, где якобы давались справки о репрессированных, стоявшие там шепотом говорили, что «десять лет без права переписки» означает расстрел. Можно ли тогда верить официальному свидетельству о смерти, где утверждается, что Шубкин Н.Ф. умер в 1944 г.?

Видные советские демографы рассказали мне о попытках, предпринимавшихся нашими доморощенными фальсификаторами истории, перебросить даты смерти расстрелянных на другие годы, в частности, военные, чтобы обелить Сталина и себя, чтобы; на 1937-1938 гг. не приходилось слишком много погибших. А там, дескать, война все спишет. Политический и нравственный долг органов, которые распоряжаются всеми соответствующими архивами и знают людей, непосредственно участвовавших в проведении массовых репрессий, — провести широкие расследования, чтобы дать, наконец, ответы на вопросы, волнующие миллионы людей. Означала ли формула «десять лет без права переписки» расстрел? Когда действительно погибли наши родные и близкие, в том числе мой отец? Где их могилы?

Мне удалось опубликовать в «Огоньке» (№ 44 за 1988 г.) заметку, где я и высказал то, что меня мучило долгие годы.

Однако проходили месяц за месяцем, и никакой официальной реакции. Только друзья и сослуживцы выражали соболезнования, да откликнулись мои довоенные школьные товарищи, ученики отца и их дети.

Прошло больше года. И вдруг рано утром телефонный звонок.

— Это Шубкин? — донесся откуда-то издалека незнакомый голос.

— Слушаю.

— Владимир Николаевич?

— Да, да.

— Это ваша заметка «Восстановить справедливость» опубликована в «Огоньке»?

— Да. Но с кем я говорю? Может быть, Вы представитесь?

— Из Барнаула. Прокурор Алтайского края Гущин Иван Павлович. «В

Барнауле уже разгар рабочего дня», — сообразил я.

— Слушаю Вас.

— Я прочел заметку и затребовал дело Вашего отца. По долгу службы я имею доступ к соответствующим архивам. Вы писали, что Шубкин Н.Ф. был арестован в 1937 г. и осужден на десять лет без права переписки, что в свидетельстве о смерти сказано, что он умер 19 марта 1944-го.

— Что Вы установили?

— Все это не так...

А вскоре я получил от И.П. Гущина «Алтайскую правду», где было опубликовано его «Открытое письмо профессору В.Н. Шубкину», с большими выдержками из протоколов допросов, проходивших в барнаульском отделе НКВД в 1937 г.

Спасибо Ивану Павловичу! Ведь мог бы и не прочесть моей заметки. И не затребовать дело отца. И не позвонить мне. И не написать статью. Все это он вполне мог бы не делать, и никто из) начальства ни одного осуждающего слова не сказал бы. А он еще вдобавок, когда я приехал в Барнаул, позвонил в управление КГБ по Алтайскому краю, чтобы мне дали возможность ознакомиться с делом.

И вот в моих руках дело N 22498. Я бегло просмотрел папку. Собственно, оно объединяло дела шести человек, в том числе Н.Ф. Шубкина. Все они обвинялись «в принадлежности к контрреволюционной кадетско-монархической эсеровской повстанческой организации, ставившей своей задачей в момент объявления войны Японией или Германией Советскому Союзу - вооруженное свержение Советской власти». Здесь же я обнаружил письмо на имя Генерального прокурора СССР, которое мама в 1954 г., за год до смерти, отправила сюда, и некоторые другие документы, связанные с реабилитацией отца. Похоже, папку чистили не раз. Никаких доносов на отца и его «подельщиков» нет. А с материалами дела соседствуют выдержки из протоколов допросов самих работников НКВД К.С. Жукова, Г.С. Каменских, проводивших массовые репрессии в Барнауле и привлеченных в 1939 г. к уголовной ответственности за «вредительскую деятельность в области чекистской оперативной работы». Видимо, все-таки готовились в этом учреждении к тому, что с делами могут ознакомиться родные и близкие репрессированных, и присоединение к допросам 1937 г. материалов совсем других процессов, проходивших над сотрудниками НКВД, неслучайно. Оно должно было показать, что люди, виновные в этих преступлениях, наказаны и справедливость восторжествовала.

Сразу нужно отбросить версию, что это была расплата за участие в массовых репрессиях в 1937 г., за фабрикацию дел против невинных людей и за их гибель. Ничего похожего. Бывшего замначальника барнаульского оперсектора НКВД К.С. Жукова, который как раз утверждал обвинительное заключение по делу Н.Ф. Шубкина, самого допрашивали 10 мая 1939 г.

— «В чем выражалась ваша вредительская деятельность в области чекистской оперативной работы?»

— «Вредительская деятельность была направлена на смазывание политической сущности следственных дел, на скрытие от репрессий контрреволюционных кадров, не заострялось внимание на вскрытии в момент следствия других контрреволюционных формирований, как то шпионских, диверсионных и прочих».

Как видно, речь идет не о том, что много сажали и расстреливали. Напротив, Жуков обвинялся в том, что мало сажал. Вот ведь в чем дело.

Мы еще вернемся к тому, кто наказан, за что наказан, как наказан. Пока же обратим внимание на то, что показания работников НКВД, арестованных в 1939 г., дают представление и о том, как проводился террор в провинции.

Террор опирался на официальную идеологию. Она, в свою очередь, латентно исходила из того, что большевики захватили власть в стране с враждебно настроенным, мелкобуржуазным в своем большинстве населением. Власти знали, что Россия не укладывается в ту схему общества, к которой они стремились. Поэтому необходимо было Россию втиснуть в это прокрустово ложе. Догма требовала, чтобы все, что не входит в эти рамки, было безжалостно обрублено.

Роль топора играли органы ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. У чекистов была своя рабочая, персонифицированная схема. Все слои, группы, классы, которые не укладывались в нее, должны были быть ликвидированы. Существовала

какая-то дьявольская логика в этой подгонке живого общественного организма к придуманной схеме. Такую невиданную в истории операцию по уничтожению своего собственного народа нельзя было осуществить без идеологической обработки населения, без промывания мозгов. Все население оказалось под подозрением. Взаимное недоверие, злоба, ненависть всячески разжигались. Чекисты не верили никому, ни коммунистам, ни самим себе. А это создавало предпосылки для успешного выполнения и перевыполнения поставленных перед ними задач.

Многие «классово — чуждые» оказались в соответствующих списках, поскольку не к тому классу принадлежали, их происхождение, воспитание, образование, профессия отличались от рабоче-крестьянских. Туда, безусловно, попадали священнослужители, офицеры, солдаты, служившие в белых армиях, дворяне, промышленники, купцы, интеллигенты и пр. Широкое распространение получили, кроме того, доносы, которые поступали от добровольцев, сексотов, информаторов, партийных, комсомольских органов. Под флагом повышения бдительности обеспечивалось поступление информации на значительную часть населения. На этой основе в НКВД постоянно составлялись все новые и новые списки неблагонадежных.

Вот, например, как описывал эти процедуры арестованный в 1939 г. заместитель начальника горотдела НКВД К.С. Жуков: «В июне месяце 1937г. в г. Барнауле на должность начальника оперсектора НКВД приехал бывший начальник 4-ого Отдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю (в то время Барнаул входил в Западно-Сибирский край) Попов, к моменту приезда которого мною совместно с моим помощником Шутилиным был составлен список с наличием компрометирующих материалов на бывших белых офицеров, эсеров, монархистов и духовенство, намечаемых к аресту согласно имевшейся директивы бывшего начальника НКВД по Западно-Сибирскому краю Миронова. Попов, просмотрев указанный список, заявил, что санкции на арест этой категории лиц от прокурора брать не будем, так как он якобы уполномочен этот вопрос; решать самостоятельно. И тут же на списке путем наложения своей резолюции в отношении каждого в отдельности давал санкции на арест. После чего в эту же ночь и на следующую ночь было арестовано 70-80 человек».

Накопление компромата шло непрерывно. Параллельно с этим разрабатывались заговоры и схемы контрреволюционных организаций. Еще в первые годы после революции в Москве и Петрограде чекисты (среди них особенно часто упоминается Артузов) отработали эту систему — не раскрывать, а самим разрабатывать схемы, контрреволюционных организаций, придумывать их структуры, цели, связи и т.д., а затем «набивать» эти схемы живым человеческим материалом, благо «социально враждебных» — хоть пруд пруди. С тех пор этот разработанный в центре трафарет стал широко применяться по стране.

Так было и летом 1937 г. в Барнауле. «В моем кабинете в присутствии меня (Жукова) и моего помощника Шутилина и прибывшего из Новосибирска Толмачева Попов стал составлять схему контрреволюционной организации, — показывает на допросе Жуков. — Попов, составляя эту схему, во главе штаба РОВС (Российский общевойсковой союз — В.Ш.) намечал бывшего городского голову Бирюкова, бывшего кадета доктора Велижанина, а потом спросил меня: «А где же бывший полковник Шереметьев?» На что я ответил, что он арестован до этой операции как японский шпион и этапирован распоряжением бывшего начальника 3-его Отдела НКВД по Западно-Сибирскому краю Гречухина. Попов ответил: «Затребуем Шереметьева сюда, поставим его на схеме во главе штаба РОВС». Бирюков, Велижанин, Шапошников и епископ Тогадаев были намечены как члены этого штаба. Составив указанную схему, Попов передал ее Толмачеву и предложил приступить к допросам в разрезе названной схемы».

Схемы контрреволюционных организаций, которые придумывали чекисты, имели обычно иерархическую структуру.

«Все арестованные, — показывал Жуков, — разбивались Шутилиным и Толмачевым на группы... Как правило, во главе каждой группы, как отряда РОВСовской организации, ставилась видная фигура, т.е. видная в прошлом по своему военному званию и по контрреволюционной деятельности, которые, в свою очередь, имели низовку из лиц, ими завербованных в организацию РОВС».

По замыслу работников НКВД, заговор должен был не ограничиваться

одним Барнаулом, а охватывать весь Западно-Сибирский край, в который, согласно территориальному делению, входили Новосибирская и Томская области, Алтайский край.

«Толмачев, — продолжает свои показания Жуков, — внес в состав членов РОВСа в Новосибирске предварительно членов штаба в Барнауле,... писал фиктивные протоколы с выводами этих показаний на лиц, входивших в штаб в Новосибирске. Такие протоколы писались Костроминим, Шутилиным и Розаном. Моя же роль заключалась в том, что я указывал им лиц, предлагал отбирать подписи на протоколах и предупреждал, чтобы они в вопросах фальсификации были осторожны, предусмотрительны в том отношении, чтобы не было подозрений...». Сотрудник НКВД Г.С. Каменских на допросе 14 июня 1939 г. показывал, что прибывший в Бийск начальник 3-его Отдела Гречухин заявил ему, что должна быть вскрыта РОВСовская организация, хотя люди, которых «разрабатывал» Каменских, не имели отношения к РОВСу. «В результате, — показывает он, — в Бийске была вскрыта организация в 1100 человек». Как и в Барнауле, она должна была быть пристегнута к Новосибирску.

«РОВСовская организация, — продолжает Каменский, — строилась по принципу, что в каждом населенном пункте подбирались авторитетный руководитель, которого связывали с другими наиболее колоритными фигурами, они, по существу, не являлись руководителями, даже ничего общего с ними не имели. Была составлена схема, на которой указывался организованный штаб в Новосибирске, в состав которого входил генералитет: генералы Эскин, Михайлов, Ефанов, князь Доморуков и др. Этот штаб охватывал весь Западно-Сибирский край, и все члены штаба имели определенный участок руководства так называемой РОВСовской организации».

Собственно, здесь уже начинается переход к следующему этапу — наполнение схемы живым человеческим материалом, «указанием лиц», чем и занимался Жуков. Таким образом, схема как бы накладывалась на многочисленные списки неблагонадежных и подозреваемых, которые копились в недрах НКВД. 14 апреля 1939 г. Жуков показывает, что устанавливались связи арестованных как с уже арестованными, так и находящимися на свободе. «После этого все связи проверялись по книге учета арестованных, которая находилась у Шутилина, неарестованные устанавливались и включались в дополнительный список на арест». Сотрудники НКВД лучше других, естественно, знали технологию террора. Они понимали, чем больше заговоров придумают, чем больше людей уничтожат, тем выше их шансы не только спастись, но и получить награду, сделать карьеру. В их среде царили отнюдь не отношения «товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи», о которых они узнали из «Краткого курса». Напротив, постоянная подозрительность друг к другу, стремление подставить другого, разоблачить.

Вот, например, Каменских рассказывает, что Бийск посетил начальник НКВД по Западно-Сибирскому краю Миронов и, узнав, что приехавший сюда до него начальник 3-го Отдела Гречихин велел создать РОВСовскую организацию из лиц, не имевших к РОВСу отношения, заявил: «Мудрит Гречихин, а вы ведите следствие, как оно есть». Но все сотрудники органов хорошо знают главный принцип своей работы: чем больше — тем лучше. Тот же, кто говорит иначе, просто стремится подставить. И, несмотря на указания Миронова, Каменских в кратчайший срок создает РОВСовскую организацию.

Аресты порождали новые аресты. Уже после смерти Сталина арестованный бывший министр безопасности Меркулов признавался, что по доносам брали тысячи людей, из которых выбивали новые тысячи имен. Тех арестовывали, и они называли новые тысячи, которых опять брали в обработку. Эта машина постоянно набирала обороты и грозила уничтожить всю страну.

Особо следует сказать о протоколах допросов. Схема, или сценарий, определяла роль каждого, его враждебную деятельность, связи и т.д. «При наличии такой схемы протоколы допросов оформлялись, придерживаясь этой схемы — рассказывал Жуков. — После того, как была скомбинирована схема организации РОВС, на отдельных обвиняемых писались фиктивные протоколы,... затем протоколы допросов, составленные таким путем, давались на подпись арестованного».

Каменских признался, что протоколы обвиняемых они писали на квартирах, затем их корректировали в отделе, после чего перепечатывали

на машинке и заставляли, не читая, подписывать.

Это признание многое проясняет в технологии террора. Схема заговорщических организаций органами НКВД разработана. Под нее арестованы тысячи людей. В соответствии со схемой им определяют роли. Чекисты отправляются по квартирам и сочиняют протоколы допросов. Затем в отделе НКВД их корректируют. Ведь они должны соответствовать общему сценарию. Теперь можно перепечатывать на машинке. Наконец, вызывают арестованных и заставляют, не читая, подписывать. В Краснодаре, свидетельствует А.И. Солженицын, придумали оригинальное: вынуждали подписывать пустые листы бумаги, а потом уже сами впечатывали то, что им было нужно. Можно не сомневаться, что нередко следователи вообще подписывали за обвиняемых, ведь контроля практически не было никакого. А прокуроры, которые витийствовали на московских процессах, в провинции, в частности, в деле № 224988, вообще не присутствуют. Как заставляли? Об этом теперь мы уже кое-что знаем. И о психических и о физических методах воздействия. В «Архипелаге» их перечисляется больше трех десятков.

Только из этого не следует, что раз протокол подписан, то обвиняемый признался. О признаниях нельзя судить по фальсифицированным протоколам. Да и можно ли вообще эти бумаги рассматривать как протоколы допросов, когда сами следователи признают, что заставляли подписать, не читая? И вряд ли справедливо полагать, что те или иные имена, фамилии, которые якобы были названы обвиняемыми, действительно были ими названы. Велика вероятность, что они просто вписывались сотрудниками НКВД в соответствии со сценарием. Вот и в деле № 22498 объединили шесть человек. «Долго мне пришлось разгадывать загадку: что же для следствия послужило основанием объединить этих людей в одно дело? — пишет прокурор И.П. Гушин. — Совместные преступные действия отсутствовали, как и умысел; организаторов, подстрекателей, соучастников, пособников среди них следствие не установило, и такие доказательства не приводятся в обвинительном заключении. Хуже того, большинство «однодельцев» ранее не встречались и не знали друг друга. В своих показаниях никто не назвал фамилии других. Оказывается, разгадка заключается в том, что всем им предъявлено одно и то же обвинение по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Это вопиющая профанация, не имеющая ничего общего с законом».

Нужно было по разработанной схеме создать группу «контрреволюционной кадетско-монархической эсеровской повстанческой организации» — и дело сделано: материалы на шесть человек, подшиты в одной папке. А если сложить несколько сот таких папок — значит, разоблачена целая повстанческая армия РОВСа. Слава доблестным чекистам!

Далее заместитель начальника Барнаульского оперсектора НКВД Жуков утверждал обвинительное заключение, которое сочинил следователь Литви-ненко. И составлялись длинные списки для представления начальству. Эти списки везли в Новосибирск в НКВД по Запдно-Сибирскому краю, где заседала «тройка». В нее входили: секретарь крайкома ВКП(б) Эйхе, начальник краевого управления НКВД Миронов и прокурор края Барков. Судя по всему, — и в этом тоже одна из особенностей террора в провинции — везли только списки, обвиняемые «не предъявлялись», их держали в Барнаульской тюрьме. Они не могли сказать ни одного слова в свою защиту. А «тройка» присланные туда списки просто подмахивала.

По получению из Новосибирска решения «тройки» приговоренных к смерти расстреливали тут же, в Барнаульской тюрьме в кратчайший срок. Никакие жалобы, апелляции не принимались и не рассматривались. Тела убитых сбрасывали в заранее отрытые ямы возле тюрьмы. Недавно здесь обнаружены массовые захоронения. На улице Ползунова во дворе бывшего здания НКВД, говорят, тоже массовые захоронения, но местные власти представителям «Мемориала» раскопки не разрешают.

Как видно, технология террора в провинции была значительно проще, чем на столичных процессах. Она была нацелена на открытое уничтожение миллионов сограждан. Работники НКВД, по сути, не вели следствие, а занимались оформлением бумаг в соответствии с принятым в их среде правилом: «Был бы человек, а статья найдется». Обычно для соотечественников использовалась одна статья — 58. Главную роль в работе органов играли *сеть* (накопление компромата) и *схема*, которую

придумывали сотрудники органов. Арестованные должны были лишь подписать заранее подготовленные протоколы допросов, в которых им отводилась роль в соответствии со схемой. «Тройки» просто утверждали списки. На заседаниях «троек» обвиняемые вообще не присутствовали. Не было даже подобия суда. Исполнение приговоров проводилось по месту заключения. Как правило, здесь же расстрелянных закапывали в яму. Родственникам официально не давалось никаких документов. В окошечках НКВД им говорили: «58 пункт 10», «десять лет без права переписки».

Я видел тысячи смертей на фронте. И вроде бы ничем меня не удивишь. Но есть что-то фантастически кошмарное в том, что дорвавшиеся до власти отбросы рода человеческого, используя описанную выше технологию террора, десятилетиями уничтожают соль земли русской, а потом безнаказанно многие годы нагло лгут родным и близким убитых и замученных.

Думаю, если бы о массовых репрессиях судили не по московским процессам, а знали бы масштабы и технологию уничтожения людей в провинции, пробуждение наших граждан и мирового общественного мнения наступило бы значительно раньше.

Продолжаю читать дело. Вот постановление, вынесенное помощником оперуполномоченного 3-го отдела УНКВД по Запсибкраю младшим лейтенантом Синельниковым о привлечении гражданина Шубкина Н.Ф. в качестве обвиняемого по ст. 58-2-11 УК. Мера пресечения — содержание под стражей в барнаульской тюрьме. В июле 1937 г., когда пришли арестовывать отца, его не было в Барнауле. В связи с этим к делу приобщена справка, что Шубкин Н. Ф. выехал (с женой, сыном и дочерью) 2 июня 1937 г. на Алтай временно (на лето) и должен побывать в Ойрот-Туре, Чемале и других местах.

Хорошо помню лето 37-го года. Весь учебный год отец и мать брали дополнительные уроки, подрабатывая, чтобы скопить денег на поездку всей семьей на Алтай. И все сбылось, что намечали: пароходом добрались до Бийска, удачно проголосовали на Чуйском тракте и добрались до Чемала, где сняли у крестьянина пол-избы. Повезло и с погодой: по ночам гремели громы, но днем, как по заказу, сияло солнце. В тот день, в конце июля, я, переполненный впечатлениями, прибежал к ужину домой и уже начал было рассказывать о том, как на Катунь перевернуло лодку, но мама остановила меня: «Подожди. Послушай. Сегодня пришло письмо от тети Нади из Барнаула. Она пишет, что у нас дома был обыск, и сотрудник НКВД предъявил ордер на арест папы...».

Едва я лег спать, кто-то постучал в окно, и я узнал голос нашего семейного врача, старого приятеля отца, который тоже отдыхал здесь.

Кухню, куда отец привел гостя, от комнаты, где мы спали, отделяла дощатая перегородка, и мне было хорошо слышны их голоса.

— Вчера, — сказал отец, — получил от Наденьки письмо. Вот читай.

Выборов долго чиркал спичкой, прикуривая:

— Значит, и ордер на арест она видела?

— Да.

— Что же ты думаешь предпринимать? — помедлив, спросил врач.

— Не знаю пока...

— Ну, так знай. У меня дома обыск был накануне. И тоже с ордером. Не сказал я тебе вчера, не хотел отпуск омрачать.

— Значит одна судьба.

— Дальняя дорога и казенный дом.

— Неужели в центре не видят?

— Все видят. Вчера я в местной газете прочитал слова секретаря обкома: «Тот не коммунист, кто не разоблачил ни одного врага народа».

— Какой же в этом смысл? Уничтожить всю мыслящую Россию?

— Ради власти, конечно. Она всегда в опасности. Вот и кажется, что все на нее, как на Орлеанскую девственницу, посягают. И не столько враги, сколько соратники, соотечественники.

— Но ведь корни рубят, на которых страна стоит.

— Эх, дружище. Когда мальчики кровавые в глазах — не до того.

— Так что же все-таки делать?

— Вчера я звонил своему начальнику в больницу. Он, конечно, обо мне ничего не знает, сам дрожит, как осиновый лист. Я попросил дать мне в связи с плохим самочувствием два месяца за свой счет. Мне там показываться нельзя. А разыскивать меня при таких масштабах рубки вряд ли будут.

— А я думаю завтра ехать домой.

— Ты с ума сошел? У тебя же еще целый месяц отпуска...

— Если я честный человек, я должен немедленно выяснить в чем дело...

— Ты сумасшедший! С кем выяснять?

— Я не могу и не хочу ловчить и прятаться. И так последние годы живу против совести, отрекаюсь от себя шаг за шагом. Преподавал по «бригадному методу», хотя большей абракадабры педагогика не знала со времен средневековья. Цитирую на уроках жалкие мысли этих недоучившихся семинаристов. Должен поносить Достоевского, объяснять, что Пушкин не народны! поэт, а выразитель взглядов дворянства. Участвовать в комедии выборов... У каждого свой предел. Больше не могу. Они хотят, чтобы на потеху им, теперь, как заяц, метался по стране, спасая свою шкуру. Я не виноват перед своей страной и перед своим народом.

— Но нельзя же быть самоубийцей! Подумай хоть о семье...

— Все мои помыслы о них...

— Тебя просто уничтожат.

— Пусть. Свое я прожил. Об одном жалею...

Самый конец я не расслышал.

Отец уехал на следующий день, думаю, у него не было иллюзий. Его последнее письмо из Барнаула датировано 31 июля 1937 г. «Сегодня ... отправляюсь в больницу на операцию, — иносказательно писал он, так что скоро писем от меня не ждите. С операцией придется, наверное, подождать, так как больных немало». Тетя Надя потом рассказывала: «Я только уговорила его помыться в бане, захватить белье, проводила до Серого дома. Его долго не впускали, видимо, наводили справки. Потом вышел кто-то форме, и дверь захлопнулась». Трудно сейчас понять мотивы поступков людей в те страшные годы. Нет, я не верю, что никто не знал, что происходит с народом: имеющий уши слышал, имеющий глаза — видел, имеющий сердце — сострадал. И не надо изображать наших соотечественников слепыми кутятами, которые только после того, как Хрущев сунул их мордой в море крови, начали догадываться, что к чему.

Но, как и миллионы других людей тех, кто выращивал хлеб, строил дома, растил детей, сеял разумнее, доброе, вечное — отец не мог представить всей чудовищности этой системы, ее сатанинскую тягу к насилию и убийству. Не чувствуя за собой никакой вины, сознавая, что их гибель — это гибель страны, как могли такие люди бросать дом, семью и уходить в бега?

Н.Ф. Шубкин — один из них. Он не только погиб, но и родился здесь. Его дед Иван Иванович Шубкин — крепостной горнорабочий на демидовских рудниках в Барнауле. Его отец Феоктист Иванович был освобожден от крепостной зависимости по реформе Александра II. Он стал землемером-самоучкой, а вскоре и почетным гражданином Барнаула. Его мечта — дать образование детям. И вот сын Николай в 1901 г. поступил в Петербургскую духовную академию и окончил ее в 1905 г. по отделению русского языка и литературы.

Нынче многие не имеют даже элементарного представления об учебных заведениях такого рода. Петербургская духовная академия была весьма демократическим вузом. В отличие от университета студенты там не только не платили за обучение, но находились на полном обеспечении. Молодые люди, чьи родители не имели возможности отправить их в университет, поступали в духовные академии. Выпускникам предлагался выбор: духовная или светская карьера. Во втором случае выпускник имел право преподавать в гимназиях русский язык, литературу, историю и т.п.

Н.Ф. Шубкин выбрал светскую карьеру и с 1907 г. работал словесником в гимназиях, школах, техникумах Барнаула. Это был тяжелый труд... «Предыдущая работа, — записывает в дневнике 12 декабря 1912 г. отец, — сказывается и теперь. Я все время чувствую недомогание. Придется, видно, похворать в свободное время, а потом — для восстановления сил — опять приняться за старую работу. А она способна исчерпать мои силы. Да не только мои. На днях я познакомился с новым словесником из реального училища. Он уже 10 лет на службе. И за это время каторжная работа над тетрадями успела превратить его почти в инвалида, несмотря на то, что он (по его собственному признанию) смолоду отличался цветущим здоровьем и был благодаря гимнастике прекрасно развит физически».

Ночами, после подготовки к урокам и проверки бесконечных диктантов и сочинений, он пытался осмыслить свою жизнь, вел дневники. У него был личный дневник, который пропал во время обысков. Частично сохранился

(восемь общих тетрадей) профессиональный «Дневник словесника». В восьмом номере «Нового мира» за 1984 г. были опубликованы отрывки из этого дневника с предисловием Сергея Залыгина. Он живо рассказал об учительской, барнаульской среде того времени, о моих отце и матери, у которых Сергей Павлович учился в школе. В нашем семейном архиве хранится и диссертация кандидата богословия Н.Ф. Шубкина «Возрождение идеализма в современной русской философии», которая, как мне представляется, весьма актуальна и ныне, его исследования трудов Ф.М. Достоевского, другие работы.

До сих пор не могу решить, правильно ли поступил отец. Однако если раньше я считал это донкихотством, то теперь все больше понимаю его, он мне все ближе и дороже. Кажется, что тогда он надеялся спасти близких, считал, что должен нести свой крест во имя нас.

После ареста отца у матери начались сердечные приступы: задышалась от рыданий, и становилось плохо с сердцем. И так каждый день. Безнадежные хождения в очереди за справками в УНКВД, в Домзак, как по-новому называли теперь барнаульскую тюрьму. Грубый лай из узеньких окошечек: «Десять лет без права переписки», «58 пункт 10», «передачи запрещены», «следующий!».

Отойдя подальше от этих заведений, знакомые шепотом делились слухами, догадками: «Передач не принимают — значит, выслали». — «Надо запрашивать Магадан или бухту Нагаева». — «Какая там бухта Нагаева? Всех тут и расстреляли». — «Но ведь мне официально сказали: «десять лет только без права переписки». — «Говорю вам: нет такой статьи — без права переписки». — «Мало ли что нет. Это, может быть, секретная статья...».

Мать пришла из школы. В глазах отчаяние: «Меня уволили»... — «То есть как? За что?» — возмущенно спрашиваю я, все еще не понимая, что с нами произошло. — «За связь с врагом народа, как сказала мне завуч». — «Что они с ума сошли, эти наробразовцы? — утешал я мать. — Увольнять за связь с мужем? Да и не получали мы никакого документа об отце».

Перед Рождеством кто-то из нашего 7-го класса написал в перемену мелом на доске «Х.В». — Христос Воскресе. Меня на занятиях не было. Разразился шумный скандал. Долго, истово искали виноватого. Нашли. Было объявлено, что подлинным организатором этой антисоветской демонстрации был сын врага народа Владимир Шубкин... Меня тут же исключили из школы без права поступления. Мир вокруг сузился, многие бывшие знакомые, сослуживцы отца перестали заходить к нам, не узнавали на улице. После увольнения мамы жить стало не на что. Мы почти голодали. Продавали вещи, книги. Очень поддерживала нас сестра отца — учительница-словесница. Ее пока не тронули, и она продолжала получать какое-то жалованье. Многим приходилось хуже. Через три дома от нас на Никитинской улице стоял чистенький деревянный дом зубного врача Стройкою. Его сын Толя — мы его звали Дик — был моим школьным товарищем. Внезапно были арестованы его отец и мать. Толю забрали в детприемник. Я ходил к нему, и мы разговаривали через щели в заборе. А вскоре весь детприемник куда-то исчез. В дом Стройковых на Никитинской въехали сотрудники НКВД. Да и в школе, где много лет преподавал отец, арестовывали одного учителя за другим: прекрасного химика Пешковского, любимца старшеклассников физика Лебедева.

«Десять лет без права переписки». Нет, я, конечно же, тогда не знал, что это означало расстрел. И мать, и тетка, и сестра — все мы надеялись, что отец жив. Пройдет слух: этой ночью из Барнаула отправили эшелон заключенных. И все начинали гадать — куда? Опять Магадан, Воркута, Камчатка? «Хоть бы теплые вещи разрешили передать», — сокрушалась мама. Кто-то рассказал о счастливец, которому удалось привязать записку к камню и перебросить через забор пересыльной тюрьмы. Записка будто бы дошла. И все начинали ждать писем и вестей от родных и близких. Когда же прошел слух, что расстреляли «тройку», которая хозяйничала в городе, все семьи репрессированных воспряли духом. «Теперь-то, когда этих врагов разоблачили, наверняка начнется пересмотр наших дел». Но на смену одной «тройке» пришла другая, и все покатило по тем же рельсам. Только для хозяев жизни - энкаведешников отстраивались новые дома, стадионы, спортивные залы водные стадионы «Динамо», а в двух кварталах от нашего дома открылся клуб НКВД... А потом появились другие слухи: тюрьмы так забиты, что заключенные задыхаются до смерти; страшно пытают и калечат во время» допросов; на горе, которую омывает

Объ, возле Домзака слышали ночью залпы, значит, опять расстреливали. И таяли надежды, что отец когда-нибудь вернется к нам. Но так не хотелось верить в возможность такого исхода. И многие, слушая казенные ответы из окошечка НКВД, думали, что есть особо секретные лагеря, где содержат людей без права переписки. Но если это так — неужели никто из эзков не мог изловчиться и хоть два слова передать на волю? И снова мы спрашивали своих знакомых — нет ли вестей от наших. Но, видно, была очень строга охрана в спецлагерях без права переписки: письма отца не доходили.

А в 1955 г. нам выдали свидетельство с гербом СССР и печатью. Выходит, не врал, что отец был осужден на десять лет? Почти семь лет провел он в секретных этих лагерях без права переписки? Был бы покрепче, отбыл бы весь срок и вернулся, но склероз кровеносных сосудов...

19 марта 1944 г. Такие даты навсегда остаются в памяти близких. А тут еще тайна — место смерти. Где он умирал? Наверное, где-нибудь на Колыме? Где же похоронен? Иллюзий на этот счет не было. Уже наслушались о штабелях замерзших трупов с деревянными бирками на голых ногах.

Сопоставлял эту дату со своей жизнью. Если б он знал, что я к этому времени в составе 315-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Барнауле, уже прошел Сталинград, Дон, Донец, Миусс, Перекоп и через месяц после его смерти был опять тяжело ранен в селе Бельбек при штурме Севастополя. Если бы он знал... И если бы я знал, что он умирает в это время где-то на другом конце земли...

Я не был пронзительнее других. Хотя и считал Сталина палачом задолго до того, как об этом объявил Хрущев. И не был я «сыном XX съезда партии»: у меня был настоящий отец. Но такова уж природа человеческая: трудно постоянно находиться в противоборстве с обществом, в котором ты живешь.

Получив свидетельство о смерти отца, я и верил и не верил тому, что в нем говорилось. Сначала больше верил. Потом, когда процесс реабилитации стал набирать обороты, я встречался с людьми, отсидевшими 10, 15, 20, 25 лет. Но никто из них не был в лагерях «без права переписки». Никто не встречал людей с таким приговором. Но если энкаведешники лгали в этом, почему им не солгать в другом?

Листаю дело дальше.

Выписка из протокола N 33/д.

Заседание «тройки» управления НКВД Запсибкрая от 25 сентября 1937 г. Дело N 22498 Барнаульского опер./сект. НКВД

Слушали:

Шубкин Николай Феокистович, 1880 г. рожд., уроженец г. Барнаула Запсибкрая — Обвиняется в к.-р. кадетско-монархической эсеровской повстанческой деятельности.

Постановили

Шубкина Николая Феокистовича расстрелять, лично принадлежащее ему имущество конфисковать.

Выписка верна: Инспектор 8 отд. УКБ УНКВД по ЗСК.

Часто спрашивали мы в семье друг друга: почему не забрали наш дом? Мне это и сейчас непонятно: ведь отец был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Почему же не вышвырнули нас на улицу? Пообещали отцу за дачу им нужных показаний не трогать семью? Но разве мог он верить обещаниям этих нелюдей? Или наш дом не подошел для них — нашли лучше? Или просто в кровавом тумане забыли, что сами написали в решении «тройки»? Этого я, видимо, уже никогда не узнаю. Рядом с решением «тройки» пожелтевшая бумажка.

Выписка из акта.

Постановление тройки УНКВД Запсибкрая от 25/IX месяца 1937 года о расстреле Шубкина Николая Феокистовича приведено в исполнение 2/X мес. 1937 г. в «» час.

Верно

Сотрудник опер штаба Берл... (далее не разборчиво)

Вот и ответ на вопрос о свидетельстве о смерти. Все документы хранились. Все знали, но лгали десятилетиями. Обвинялся Н.Ф. Шубкин не по статье 58,10 УК РСФСР - «контрреволюционная пропаганда», а по статье 58-2-11 — «к.-р. кадетско-монархическая эсеровская повстанческая деятельность». И причина смерти не «склероз кровеносных сосудов», как

сказано в официально выданной нам бумаге с гербом СССР. И не прожил отец до 19 марта 1944 г., не своей смертью умер, а был расстрелян 2 октября 1937 г. И место смерти известно: Николай Шубкин был убит в том же городе, где родился, где родился и жил его отец землемер-самоучка Феохтист Шубкин, освобожденный от крепостной зависимости по реформе 1861г., где жил его дед — крепостной горнорабочий на демидовских рудниках Иван Шубкин.